

А. В. Николаев

**«УЛИЧНОЕ ПЬЯНСТВО» КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ**

Рассмотрены основные моменты истории установления государственной винной монополии и борьбы с пьянством на рубеже XIX–XX веков. Проводимая С.Ю. Витте реформа обернулась распространением «уличного пьянства». Борьба правительства, силовых ведомств, общественных организаций с «уличным пьянством» успеха не имела, явление «замолчали», что впоследствии обернулось винными погромами. Автор обращает внимание на противостояние, существовавшее в ходе кампании между Министерством финансов и Министерством внутренних дел, на изменение психологии народных масс.

Ключевые слова: «уличное пьянство», массовый алкоголизм, государственная винная монополия, «принудительная трезвость».

А. Nikolaev

**THE PROBLEM OF «STREET DRINKING» IN RUSSIA
AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES**

The article highlights the history of the establishment of state wine monopoly and the fight with hard drinking at the turn of XIX–XX centuries. S. Y. Witte's reforms resulted in the wide spread of «street drinking». The struggle with it carried out by the government, by law enforcement agencies, by public organizations was not successful, the phenomenon was not discussed, it was dealt with «silently» which later led to wine 'pogroms'. The attention is drawn to the existing during the campaign opposition between the Ministry of Finance and the Ministry of Internal Affairs, in terms of changing the social psychology of the masses.

Keywords: «street drinking», mass alcoholism, state wine monopoly, «forced sobriety».

Проблема пьянства неоднократно становилась предметом исследования специалистов самых различных областей знания. Несмотря на свою научную и общественно-политическую значимость, она остаётся мало исследованной в отечественной истории. Тем не менее именно исторического взгляда на проблему часто недостаёт как специалистам в области медицины, социологии, так и политикам. Как правило, о пьянстве говорится в контексте медико-социологических концепций алкоголизма (либо алкоголизации), при этом мало обращается внимание на обособленность и разновидность явления. Об «уличном пьянстве» обычно упоминается в связи с разработкой очередных политико-правовых мер, направленных на снижение массового потребления алкогольных напитков. По этой причине, несмотря

на актуальность рассматриваемого явления, объективный анализ его отсутствует.

Литература о пьянстве появилась в России в XIX веке и в большинстве случаев издавалась на иностранных языках. Инициаторы трезвенного движения такое положение объясняли тем, что научное и общественное движение «в защиту трезвости» возникло за границей. В книге Р. Берда указывалось на то, что в английской печати уже в 1581 г. обсуждался вопрос об употреблении алкоголя в войсках и о создании противодействия этому злу. В 1875 г. была переведена и опубликована книга Б. Крамера, жившего в Москве в 1819 г. Своей исключительностью на общем фоне выделялось исследование И. Г. Прыжова*. В России сформировалось достаточно противоречи-

вое отношение к кабаку, который одним представлялся вертепом разврата, скопищем проходимцев и разбойников, а для других — «раем для нищих» и лихих, но вольных людей. Прыжов резко негативно относится к кабаку, отдавая предпочтение древнеславянской корчме [19, с. 20, 32]. Для нашего исследования важно, что автор обратил внимание на изменение характера потребления алкогольных напитков в зависимости от места потребления.

С введением государственной монополии на спиртное в 1894 г. появилось большое количество брошюр, газетных и журнальных статей в защиту зарождавшегося трезвенного движения. Об алкоголизме на рубеже XIX–XX веков писали в основном непосредственные участники трезвенного движения: Н. И. Григорьев, А. М. Коровин, М. Н. Нижегородцев, Л. И. Дембо, Д. Н. Бородин, А. И. Вержбицкий, И. Н. Введенский и другие. Сторонники трезвости, хотя и старались разграничить понятия «пьянство» и «алкоголизм», тем не менее достаточно часто употребляли термины совершенно произвольно. Подтверждение тому материалы Комиссии по вопросу об алкоголизме и съездов: Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством (1910 г.), Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом (1912 г.)**.

В обозначенный период исследователи не могли представить всю многомерность рассматриваемых явлений. С. А. Первушину одному из первых российских исследователей удалось подчеркнуть специфику потребляемого продукта: алкоголь дорог для человека тем, что, независимо от впечатлений, полученных из внешнего мира, может вызывать в нём состояние эйфории [18, с. 32]. С. А. Первушин выражал сомнения, что люди спиваются только от бедности. Пьют из-за неуверенности в том, что «более разумное и экономичное расходование средств может привести его к «лучшему будущему» [18, с. 24]. Им же были выделены различные виды массового алкоголизма.

Рост пьянства связывался с неумелой политикой правителя, либо правительства, иногда обращалось внимание на алкогольные обычаи русского народа. Подобная позиция является следствием представления о пьянстве как неумеренном потреблении алкогольных напитков. В таком случае, вывод о росте пьянства делался либо на основании количественного увеличения питейных заведений, либо количества потребляемых напитков. Понимание того, что пьянство не зависит от количества потребляемого алкоголя, в конце XIX в. не считалось бесспорным, хотя сторонники трезвости подчеркивали, что пьянство в России (находившейся по количеству потребляемого алкоголя на одиннадцатом месте среди ведущих мировых держав) имеет «варварский характер». Мнение такое возникло не случайно, так как именно в это время происходит распространение «уличного пьянства».

Несмотря на достаточно распространенное употребление термина «уличное пьянство», его трудно считать научным в силу неопределённости. Тем не менее на существование этого явления указывают многочисленные документы Департамента полиции Министерства Внутренних Дел (ГАРФ). Так, например, С. Ю. Витте в письме к И. Л. Горемыкину отмечал, что «проявляется злоупотребление крепкими напитками, которое выражается в безнаказанном появлении пьяных людей на улицах и даже в общественных местах» [4, л. 15]. Санкт-Петербургский градоначальник генерал-майор Н. В. Клейгельс в письме к министру внутренних дел прямо употреблял термин «уличное пьянство» [4, л. 120]. О распространении пьянства на улице сообщали губернаторы и священнослужители из провинций, на этот же факт обращали внимание лидеры трезвенного движения***.

В 1894 г. началось установление государственной винной монополии. Расчёт С. Ю. Витте состоял в том, что «здоровое финансовое хозяйство тесно связано с уровнем экономического благосостояния населения

и зависит от условий, его определяющих» [13, с. 8]. Иными словами, продажа алкоголя выгодна, но при соблюдении двух условий: 1) контроль над торговлей спиртным, поэтому необходима государственная монополия; 2) умеренность потребления, которая невозможна без воспитания культуры питья, так как чрезмерное потребление ведёт к травматизму, катастрофам, к нарушению технологического процесса и снижению производительности труда. В докладе Государственному Совету Витте говорил, что за время существования акцизной системы были изданы десятки законодательных актов, которые должны были оградить народ от пьянства и кабацкого произвола, но желаемого результата достичь не удалось. Потребление спиртных напитков, по мнению министра финансов, росло слишком быстро, выходя за границы разумного, и сопровождалось нарушением общественного порядка и падением нравственности [13, с. 6–7]. Начиная с 1863 г., произошло общее удешевление водки, потребление алкоголя достигло 1,225 ведра (15,1 литра) на душу населения [17, с. 32].

Следует отметить, что государственные чиновники, как и многие исследователи сегодня, не учитывали пространственно-временные различия в пьянстве. Какая разница, где и как спивался человек — пьянство рассматривалось в качестве «всеобщей беды», порока, болезни, именуемой иностранным словом «алкоголизм». В рамках статьи мы остановимся только на одной разновидности пьянства — уличного.

Современники пытались объяснить распространение «уличного пьянства» различными причинами. В частности, подвергалась критике работа полиции, которая не предпринимала ничего, чтобы искоренить это социальное зло. Так, министр финансов, начиная с 1896 г., неоднократно обращался к Горемыкину с требованием ужесточить борьбу с уличным пьянством [5, л. 12]. Последний в своём ответе Министерству финансов недвусмысленно указывал, что

уличное пьянство особенно распространено в губерниях, где была введена казенная продажа питей, а бездействие полиции объяснял недостатком полномочий. Полиция в соответствии с «Уставом о предупреждении и пресечении преступлений» обязана задерживать «только тех лиц, нетрезвое состояние которых влечет за собой нарушение порядка» [5, л. 16].

Наблюдалось своего рода «молчаливое» противодействие кампании со стороны Министерства внутренних дел и губернаторов. Причём, нельзя сказать, что это было какое-то продуманное, организованное сопротивление проводимому политическому курсу Витте, скорее речь идет о неготовности, неповоротливости указанных ведомств. Создавались различного рода комиссии, Особые совещания, рассматривавшие вопросы о борьбе с уличным пьянством, о разногласиях, возникших между Министерством финансов и Министерством внутренних дел по применению Положения о казенной продаже питей, об открытии винных лавок и порядке торговли [5, л. 125, 184; 8, л. 3]. Но дальше переписки между ведомствами и принятия различного уровня постановлений дело не шло. Так, например, предлагалось определить «в черте городских поселений» места, в которых публичное распитие крепких напитков воспрещалось бы, или предписывалось полиции задерживать пьяных «временно впредь до вытрезвления». За участие «в сборище для публичного распития крепких напитков на улицах и площадях, равно как во дворах и подворотных пространствах», виновные наказывались арестом на трое суток или штрафом (до 10 рублей) [4, л. 143].

С одной стороны, власти понимали, что «беспрепятственное появление пьяных на улицах и в публичных местах может привести к укреплению в сознании народа дозволенности сего», с другой — громоздкая бюрократическая машина могла фиксировать масштабы распространения пьянства, создавать дополнительные структуры, что только усложняло решение вопросов. Необ-

ходимо отметить, что «уличное пьянство» по своему характеру отличалось от существовавшего в России «традиционного» пьянства.

Санкт-Петербургский градоначальник Н. В. Клейгельс связывал распространение «уличного пьянства» с неустроенностью быта «отходников» и ограничением полномочий градоначальников. В письме к министру внутренних дел он отмечал, что «уличное пьянство» мерами полиции может сдерживаться до известных пределов. Объяснение этого явления, по мнению градоначальника, кроется в несогласовании реформы с весьма сложными условиями столичной жизни, «когда не одна сотня тысяч пришлового рабочего населения, ютясь в угловых квартирах, или вовсе не имея пристанища, в силу неизбежности выпивает купленное в казенной лавке вино тут же на улице. Другое препятствие заключается в лишении градоначальников, с введением положения о казенной продаже питей, свободы в самостоятельном проявлении мер воздействия на содержателей питейных заведений...» [5, л. 143]. Б. Н. Миронов, ссылаясь на публициста В. О. Михневича, обращал внимание на то, что большинство «отходников» не ассимилировалось с городским населением, а образовывало различного рода сообщества: товарищества, артели, землячества [14, с. 335]. «Вино, карты, поездки друг к другу в гости, целые земляческие заседания в квартирах и ресторанах, фланирование по улицам, садам, посещение пошлых театральных “новинок” — вот почти постоянное проведение свободного времени» [14, с. 338].

В отчетах петербургского градоначальника В. фон дер Лауница говорилось, что постоянно проживали в столице только две пятых горожан, остальные обладали лишь «видом на временное проживание»; так, например, в 1900 г. коренное население Петербурга составляло 387 052 человека, а пришлое — 861 070, т.е. 69%. Разряд «пришлых-отходников» состоял из 755 460 человек крестьянского сословия (61,4%) и 328

235 рабочего люда [16, с. 160]. Значительное количество людей вынуждены были отказаться от привычного образа жизни. Модернизационные процессы сопровождались жилищно-бытовой неустроенностью, бесправием, необразованностью, отсутствием стабильности — все это создавало благоприятную почву для злоупотребления алкоголем.

В свою очередь С. Ю. Витте, выступая в Комитете министров 9 февраля 1900 г., объяснял сложившееся положение недостатками отечественного законодательства: «В то время как в иностранных государствах всякий случай пьянства на улицах строго карается, у нас закон к подобным явлениям относится весьма снисходительно...» [5, л. 52]. Предполагалось «предоставить полицейским органам полномочия для немедленного удаления появляющихся в публичных местах в пьяном виде лиц и задержания их затем, до вытрезвления, в особо устроенных для сей цели помещениях, на сооружение которых надо отпустить средства» [5, л. 52 об].

Озабоченность по поводу распространявшегося «уличного пьянства» проявляли и губернаторы в провинции. Симбирский губернатор в докладе министру внутренних дел от 28 июня 1902 г. сообщал, что «крупным недостатком при современной системе продажи питей является право покупателей распивать его в деревнях на улицах или задворках, благодаря чему нередко возникают пожары, особенно в базарные дни. Кроме того, скопление пьяного народа приводит к дракам и беспорядкам» [6, л. 1]. Одновременно передавалось ходатайство Симбирского губернского земства о принятии мер против уличного пьянства, содержащее поучительный пример, который может служить хорошей иллюстрацией рассматриваемого явления. «Мальчики 11–15 лет со стаканом и шилом помогают открывать вино. За услуги им оставляют часть вина. Мальчики сливают содержимое в отдельную посудину, а потом продают подвыпив-

шим крестьянам». Таким образом, возник «новый» вид незаконной торговли вином, в который втягивались малолетние. Необходимо напомнить, что одной из задач при введении казенной винной монополии было стремление «приучить потребителей вина распивать его дома» [6, л. 2]. На этот же факт обращал внимание Д. Н. Бородин: «... цель не была достигнута: пьянство было перенесено из кабака на улицу» [20, с. 138–139].

В связи с распространением «уличного пьянства» увеличивался штат полиции и денежное довольствие. Так, например, в Самарской, Уфимской губерниях штат полиции увеличивался на 20 человек, денежное довольствие на 200 рублей в год, в Полтавской губернии за пять лет (с 1898 г.) ежегодное довольствие увеличилось на 8 970 рублей, в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии штат увеличивался на 24 человека и ежегодное довольствие — на 8 403 рубля [5, л. 10–20]. Подобная политика не привела к уменьшению пьянства, но способствовала усилению Министерства внутренних дел, которое к 1905 г. стало таким же «сверхминистерством» как и Министерство финансов. С 1895 г. в МВД систематически поступали жалобы от губернаторов на безобразия, которые стали твориться в связи с установлением казенной монополии. Наиболее распространенные случаи нарушения порядка: несанкционированная продажа спиртного, незаконное открытие винных лавок, пожары, уличные драки****. Тем не менее принятие закона, запрещавшего распитие крепких спиртных напитков в публичных местах, признавалось нежелательным практически всеми ведомствами. Напротив, акцентировалось внимание на борьбу с незаконной продажей спиртного, предлагалось введение ускоренного судебного разбирательства [8, л. 46 об].

Таким образом, проблема «уличного пьянства» рассматривалась только в контексте общей антиалкогольной политики. Непонимание специфики рассматриваемого

явления вело к несогласованности в действиях различных ведомств, что способствовало лишь распространению бюрократизма, а корпоративные интересы иногда оказывались важнее государственных. Психология крестьянской массы, городских маргиналов не принималась во внимание, хотя отечественная публицистика конца XIX в. отмечала изменение психологии крестьян после отмены крепостного права.

Б. Н. Миронов в своем исследовании обратил внимание на то, что крестьяне обнаруживали развитое чувство личности. «Это проявлялось в падении нравственности, дисциплины, в покушениях на помещичью собственность, в неуважении к родителям, в участвовавших семейных разладах, росте пьянства, ослаблении уважения к церкви и религии, в “щегольстве”, т. е. стремлении заменить традиционную крестьянскую одежду городской, следовать городской моде» [14, с. 335].

Улица, всегда являвшаяся местом публичным, незаметно превратилась в место повседневного и будничного разгула толпы. При одновременной деформации традиционного уклада жизни общинные ценности, являвшиеся своеобразным гарантом стабильности и порядка, а точнее, упорядоченности, разрушались.

В крестьянском сознании, как верно отмечает В.Б. Безгин, неумеренное потребление вина всегда считалось грехом, «пристрастием порочным, поведением пагубным для человеческой души». «Престольные праздники празднуют так: крестьяне варят пиво (брагу) и покупают водку. Из соседних селений приходят знакомые и родственники, старшие члены семьи обоего пола. К близкой родне ходит и молодежь. Молодые люди напиваться до пьяна стесняются» [1, с. 161]. «Пьянство суть дьявольское наваждение, чрез него-то все худое происходит, все самые гнусные пороки. Человек, расслабленный пьянством, не имеет той душевной силы, которая вела бы его путем чести, закона и правды. От водки у человека

тупеет память, он теряет рассудок и силы до того, что он не имеет ни сил, ни разума располагать своим семейством и хозяйством. Пьяница не может исполнять перед обществом и церковью лежащих на нем христианских и гражданских повинностей» [12, с. 164].

С. А. Первушин отмечал, что потребление спиртных напитков у городских жителей в 4–4,5 раза выше, чем у сельского населения; душевное потребление в рабочих кварталах в 3–4 раза выше, чем в кварталах состоятельных классов [18, с. 32]. Д. Н. Воронов на основе проведенных исследований сделал вывод, что в крестьянской среде чаще других пьяницами являлись ремесленники и занимавшиеся отхожими промыслами [3, с. 47]. По его мнению, у крестьян не получило распространение ежедневное пьянство, оно носило сезонный характер; потребление спиртного регламентировалось обрядами и носило символический характер [3, с. 31]. Иными словами, крестьяне могли выпить много, но употребляли алкоголь не регулярно, и спиртное для них не было «самоцелью», а лишь сопровождало определенное «ритуальное действие». Достаточно устойчивыми являются стереотипы «традиционного» или «ритуального» пьянства российской деревни, следствием такого подхода становится «выведение» причины пьянства — сохранение «питейных обычаев». Но следует отметить, что распространение пьянства происходило не из-за сохранения «питейных обычаев», а, наоборот, их утраты.

В одной из своих статей секретарь Комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним Л. И. Дембо указывал, что питейные обычаи и предрассудки невообразимо царствуют везде: и в хижинах бедняков, и во дворце богачей, своими цепкими объятиями они охватили всех; и детей, которых поят алкоголем «для здоровья» или, согласно предрассудку, «чтобы он не вырос пьяницей», и подростков, которые пьют потому, что так «принято», что, по обычаю, и

радость и горе сопровождаются питьем» [11, с. 47]. Приведённое выше мнение было достаточно распространённым ранее и не ставится под сомнение современными исследователями, а напрасно. Действительно, примеров разгульного пьянства в русской истории найти несложно.

В. Б. Безгин приводит типичный пример отношения к пьянству в русской глубинке: «К пьянству отношение снисходительное. Осуждаются только те, кто за водку закладывает домашний скот или одежду. В престольный праздник, Успение, пьянство начинается сразу же после обедни и продолжается 2–3 дня. Крестьяне небольшими группами ходят друг к другу и везде выпивают водку. Часто в нее для крепости подмешивают нюхательный табак. Многие пьют до тех пор, пока не свалятся» [1, с. 269]. Пагубное пристрастие к спиртному объяснялось возросшей социальной мобильностью сельского населения. В условиях потери социальных ориентиров, маргинализации российского общества алкоголизм выступал вполне закономерным следствием произошедших изменений.

Главным последствием происходивших процессов, по нашему мнению, была утрата «чувства стыда», которое являлось фундаментом общинного порядка. Стыдно было перед соседями, родственниками за неподобающее поведение, страшно было попасть в разряд презираемых общиной изгоев. Однако с уходом в город эти рамки переставали существовать, надеяться приходилось только на себя, в лучшем случае — на земляков, находившихся в таком же положении — городских маргиналов. Ослабление религиозно-этических чувств в крестьянской среде отразилось, в первую очередь, на молодежи. Она в большей мере оказалась подвержена ложным представлениям, воспринимала вино и последующее хулиганство как свидетельство собственного удалства, как демонстративный вызов традициям и нравам старшего поколения [1, с. 161]. Интересно, что Б. Н. Миронов при рассмотрении трак-

товки проблемы свободы и порядка выделил, что до конца XIX в. свобода и порядок рассматривались как альтернативные категории: либо свобода, либо порядок и персонафицировались в образе разбойника. В результате конфликт между свободой и порядком перерастал в конфликт между обществом и индивидом [14 с. 335].

Таким образом, процесс, происходивший на рубеже XIX–XX веков, носил взаимообразный характер. Крестьяне, приходя в город, сливались, в основном, с маргинальными «низамы», алкоголь становился для них и средством «ухода» от гнусной реальности, и средством адаптации к новым условиям. Установление государственной винной монополии не улучшило положение: крестьяне, «отходники», рабочий люд городов — все они быстро стали заложниками винной лавки. Возвращаясь обратно в родную деревню, они несли собой и агрессию, и разнузданную беспринципность городского люмпена, выдавая за современные нравы, за которыми, в сущности, скрывалась собственная беспомощность.

Проводимая Витте реформа по установлению государственной винной монополии привела к изменению пространства, где происходило обычное употребление алкоголя; в результате этого разноликая публика оказалась на улице. Мифологизированный,

начиная с XVI–XVII вв. каба́к, воспринимавшийся то как рассадник зла, то как место сборища «вольных» людей, уступил место достаточно абстрактному пустому периметру улицы. Освоение функционально нового пространства всегда связано с изменениями в восприятии реальности происходящего. Улица превращалась в своеобразное место какого-то игрового действия, причем из-за отсутствия чётких границ — бесовского, вероятно, неслучайно, впоследствии именно улица стала местом, где происходили революционные беспорядки, кстати, сопровождавшиеся погромами винных складов.

Для того чтобы сбить волну «уличного пьянства», был осуществлен переход к «принудительной трезвости», который сторонниками борьбы с пьянством был воспринят восторженно и внешне не противоречил концептуальным положениям политики Витте, а потому устраивал и сторонников винной монополии [15]. На деле же в торговле алкоголем возникла полная неразбериха, так как введённые ограничения поставили эту торговлю в нелегальное положение и сделали неконтролируемой. Однако установление «принудительной трезвости» обернулось не только финансовыми потерями, но и алкогольной вакханалией в ходе революций.

ПРИМЕЧАНИЯ

* *Берд Р.* История обществ воздержания в Северной Америке. СПб., 1843. *Sessons F.* Two and a holy centuries Temperance Work in the Society of Friends. 1643–1895. London, 1893. *Gusstafson A.* The foundation of death a study of the drink question. London, 1884. *Крамер Брюль.* Домашний врач от запоя и пьянства. М., 1875. *Прыжов И. Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.; М., 1868. Написано было три тома, но издан был только один. В последующих томах автор давал обзор кабацкого быта и городских пьяниц. Книга переиздавалась с дополнениями в 1914 г. в Казани. В 2009 г. книга под несколько упрощенным названием — «История кабаков в России» — была снова переиздана, что доказывает большую ценность этого труда. *Прыжов И. Г.* (1827–1885 гг.), русский историк и этнограф. Автобиография Прыжова И. Г. была напечатана в журнале «Минувшие годы». 1908. № 2 (февраль).

** *Григорьев Н. И.* Общества трезвости в России. СПб., 1899; *Он же:* Алкоголизм и преступления в Санкт-Петербурге. СПб., 1900; *Коровин А. М.* Движение трезвости в России. СПб., 1900; *Он же:* Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903 по 1912 гг. М., 1916; *Нижегородцев М. Н.* Алкоголизм и борьба с ним. СПб., 1909; *Дембо Л. И.* Очерк деятельности комиссии по вопросу об алкоголизме за 15 лет. 1898–1913. СПб., 1913; *Бородин Д. Н.* Всероссийский съезд деятелей по борьбе с пьянством. СПб., 1909; *Вержбицкий А. И.* Об участии школы в борьбе с алкоголизмом и об организации школьных обществ воздержания «Заря». СПб., 1910; *Введенский И. Н.* Опыт принудительной трезво-

сти. М., 1915. Важными источниками при рассмотрении обозначенной проблемы являются: Труды Комиссии по вопросу об алкоголизме; Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством; Труды Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом. Позиция интеллигенции особенно четко проявилась на Первом Всероссийском съезде по борьбе с пьянством. См.: Труды Комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков. Вып. XII. 1898–1913; Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Т. 1–3. СПб., 1910; Труды Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом. Т. 1–3. СПб., 1914–1916; *Бородин Д. Н.* Всероссийский съезд деятелей по борьбе с пьянством. СПб., 1909. О работе Всероссийского Съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, организованным духовенством, рассказано в брошюре М. Е. Едлинского. См.: *Едлинский М. Е.* Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с народным пьянством. Киев, 1912.

*** Подробнее см.: *Бородин Д. Н.* Всероссийский съезд деятелей по борьбе с пьянством. СПб., 1909. *Григорьев Н. И.* Алкоголизм и преступления в Санкт-Петербурге. По материалам Санкт-Петербургских городских больниц и архива Санкт-Петербургского окружного Суда. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900. *Нижегородцев М. Н.* Алкоголизм и борьба с ним. СПб., 1909. С. 138–139.

**** Большое количество примеров содержится в материалах ГАРФ, Фонд Департамента полиции МВД (Ф-102), подробнее см.: ГАРФ. Ф.102. Оп. 76 б. Д.510. Л. 1–2, 12, 18; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 534. Л. 25–26; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 170. Л. 33, 94.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та., 2004. 304 с.
2. *Бородин Д. Н.* Всероссийский съезд деятелей по борьбе с пьянством. СПб., 1909. 120 с.
3. *Воронов Д. Н.* Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения: Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза: Тип. А. И. Раппопорта и К^о, 1913.
4. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76. Д. 411. Л. 15, 120, 143.
5. ГАРФ. Ф.102. Оп. 76 б. Д. 411. Л. 10–184.
6. ГАРФ. Ф.102. Оп. 76 б. Д.510. Л. 1–2, 12, 18.
7. ГАРФ. Ф.102. Оп. 76 б. Д. 534. Л. 25-26.
8. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 530. Л 3, 46 об.
9. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 170. Л. 33, 94.
10. *Григорьев Н. И.* Алкоголизм и преступления в Санкт-Петербурге. По материалам Санкт-Петербургских городских больниц и архива Санкт-Петербургского окружного суда. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 245 с.
11. *Дембо Л. И.* Очерк деятельности комиссии по вопросу об алкоголизме за 15 лет. 1898–1913. СПб., 1913.
12. *Зарудный М. И.* Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. 224 с.
13. Казенная продажа питей. СПб., 1900.
14. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XX вв.): В 2 т. Т. 1. СПб., 1999. 548 с.
15. *Мендельсон А.* Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. СПб., 1916.
16. *Немиро О. В.* Первомайские праздники в Петербурге периода первой российской революции // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. 167 с.
17. *Нижегородцев М. Н.* Алкоголизм и борьба с ним. СПб., 1909.
18. *Первушин С. А.* Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб., 1911. 36 с.
19. *Прыжов И. Г.* История кабаков в России. М.: Эксмо, 2009. 352 с.
20. Труды Комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков. Вып. XII. 1898–1913.
21. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Т. 1–3. СПб., 1910.
22. Труды Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом. Т. 1–3. СПб., 1914–1916.

REFERENCES

1. *Bezgin V. B.* Krest'janskaja povsednevnost' (traditsii kontsa XIX — nachala XX veka). M.; Tambov: Izd-vo Tamb. gos. teh. un-ta., 2004. 304 s.
2. *Borodin D. N.* Vserossijskij sjezd dejatelej po bor'be s p'janstvom. SPb., 1909. 120 s.
3. *Voronov D. N.* Alkogolizm v gorode i derevne v svjazi s bytom naselenija: Obsledovanie potreblenija vina v Penzenskoj gubernii v 1912 g. Penza: Tip. A. I. Rappoporta i K^o, 1913.
4. GARF. F. 102. Op. 76. D. 411. L. 15, 120, 143.
5. GARF. F.102. Op. 76 b. D. 411. L. 10–184.
6. GARF. F.102. Op. 76 b. D.510. L. 1–2, 12, 18.
7. GARF. F.102. Op. 76 b. D. 534. L. 25–26.
8. GARF. F. 102. Op. 76 b. D. 530. L 3, 46 ob.
9. GARF. F. 102. Op. 302. D. 170. L. 33, 94.
10. *Grigor'ev N. I.* Alkogolizm i prestuplenija v Sankt-Peterburge. Po materialam Sankt-Peterburgskih gorodskih bol'nits i arhiva Sankt-Peterburgskogo okružnogo Suda. SPb.: Tip. P. P. Sojkina, 1900. 245 s.
11. *Dembo L. I.* Oчерk dejatel'nosti komissii po voprosu ob alkogolizme za 15 let. 1898–1913. SPb., 1913.
12. *Zarudnyj M. I.* Zakony i zhizn'. Itogi issledovanija krest'janskih sudov. SPb., 1874. 224 s.
13. *Kazennaja prodazha pitej.* SPb., 1900.
14. *Mironov B. N.* Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII — nach. XX vv.): V 2 t. T. 1. SPb., 1999. 548 s.
15. *Mendel'son A.* Itogi prinuditel'noj trezvosti i novye formy p'janstva. SPb., 1916.
16. *Nemiro O. V.* Pervomajskie prazdniki v Peterburge perioda pervoj rossijskoj revoljucii. V kn.: Novoe o revoljucii 1905–1907 gg. v Rossii. L., 1989. 167 s.
17. *Nizhegorodcev M. N.* Alkogolizm i bor'ba s nim. SPb., 1909.
18. *Pervushin S.A.* Opyt teorii massovogo alkogolizma v svjazi s teoriej potrebnostej. SPb., 1911. 36 s.
19. *Pryzhov I. G.* Istorija kabakov v Rossii. M.: Eksmo, 2009. 352 s.
20. Trudy Komissii po voprosu ob alkogolizme, merah bor'by s nim i dlja vyrabotki normal'nogo ustava zavedenij dlja alkogolikov. V. XII. Vyp. 1898–1913.
21. Trudy Pervogo Vserossijskogo sjezda po bor'be s p'janstvom. T. 1–3. SPb., 1910.
22. Trudy Vserossijskogo sjezda praktičeskikh dejatelej po bor'be s alkogolizmom. T. 1–3. SPb., 1914–1916.

Ю. Ю. Гранкин

КОЛОНИЗАЦИОННОЕ ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Рассматриваются процессы переселения в северокавказский регион различных категорий колонистов, ставших важной силой в развитии экономического потенциала края, дается оценка роли российской администрации в создании условий по привлечению на Северный Кавказ людских ресурсов.

Ключевые слова: колонизация, переселенческое движение, кавказское наместничество.

Yu. GRANKIN

THE COLONIZATION OF THE NORTH CAUCASUS DURING THE POST-REFORM PERIOD

The article regards the processes of different categories of colonists' migration to the North Caucasus region, which became an important force in the economic potential develop-